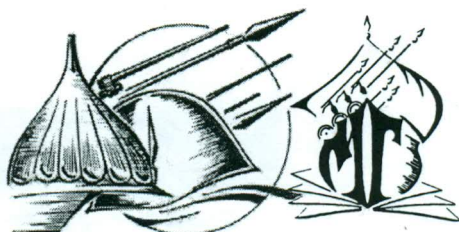

Россия, Русь! Храни себя, храни!

9
2021

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Леонид БОЛОТИН. Лукавые эпохи «перемен»	3
Ольга КИТОВА. Впереди — распад США и Евросоюза ...	19
Виталий ДАРЕНСКИЙ. Агрессия Запада против русской цивилизации	74
Валерий КИРИЛЛОВ. Миграционный спрут под «крышей»	139

ПРОЗА

Владимир ПРОНСКИЙ. Уезжай и возвращайся. Повесть	24
Юрий МАНАКОВ. Капустин яр и прочая пустыня. Рассказ ...	91
Михаил ЕСЬКОВ. День отошедший. Рассказ	147
Юрий КРАВЦОВ. Короткие рассказы	205
Александр ГРОМОВ. Государственное дело. Рассказ	226

ПОЭЗИЯ

Иван ЩЁЛОКОВ. Созревает шиповник... Стихи	66
Иван АЛЕКСАНДРОВ. Состояние духа. Стихи	125
Ольга КОЗЛОВЦЕВА. Какая есть... Стихи	131
Людмила БАНЦЕРОВА. Вчерашнее лето. Стихи	169
Маргарита КАРАНОВА. И вечно пламя... Стихи	174

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Ольга СЕВОСТЬЯНОВА. В мире без Пушкина 178

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Виталий ДАРЕНСКИЙ. Антихристианское «богословие майдана» 187

СИМВОЛ ВЕРЫ

Мария МОНОМЕНОВА. Русский христианский социализм 232

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. Забытый полководец 240
Валерий ШАМБАРОВ. «Катюши» Первой мировой 245

УРОКИ ИСТОРИИ

Владимир БОЛЬШАКОВ. Десант мировой закулисы 254

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Владимир ХОМЯКОВ. Власти с этим смирились? 265
Андрей ЗАХАРЧЕНКО. «Очень хитрая штука» 270
Андрей ВЫПОЛЗОВ. Ментальный блицкриг 272
Владислава РОМАНОВА. Страдания без Бога 275

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение 279

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

БЫЛ ЯБЛОЧНЫЙ ГОД

Набив на дубовую бочку обруч, Иван Ерофеев, пожилой мастер с сосредоточенным взглядом, лохматыми копёшками бровей, серебристым слезавшимся ворохом волос достал из одного кармана многократно сложенную газету, привычным движением оторвал листок, из другого извлек приличную щепотку махорки — получилась тугая самокрутка. И вот над чистыми легкими стружками, над сталюгой — специальным станком для изготовления клёпки для бочек, на которой он сидел, поплыл синеватый дымок.

Как же быстро всё меняется! Еще полсотни лет назад в селе бондарей было хоть пруд пруди. Только в этом небольшом переулочке Макуховке хлопотало четверо мастеров-бочкарей. Причем настоящих, посвятивших этому ремеслу целую жизнь. Кузьма, Марк, Филипп и он, Ерофеев, перенявший премудрости древнейшего дела у своего отца, а отец, в свою очередь — у своего отца.

Иван улыбнулся, вспомнив, как он сделал первую в своей жизни хлебную дежу с легкой крышкой, которую называют «веко». Отец

ПРОЗА

ухитрился уложить на сани около 60 бондарских изделий (считай, целую зиму мастерил) и отправился на дородном жеребце Майке на ярмарку в старинный город Новгород-Северский. А он, десятилетний мальчонка, воспользовавшись его отсутствием, сел за сталюгу и по-быстрому сляпал дежу и тут же за три рубля продал соседке Анне. На вырученные деньги купил себе лыжи, о которых давно мечтал.

Выходит, что он теперь последний бондарь не только в своем переулке, но и на селе. Одного за другим, скорбно сложив на их груди натруженные мозолистые руки, отправили всех известных в округе мастеров на кладбище, в шутку прозванное земляками курортом «Белые березы»...

Он бросил уставший взгляд на часы — стрелки показывали без пяти два ночи. Хотел было подтянуть на них гирьку в виде сосновой шишки, но излишним шумом побоялся разбудить жену Ефросинью и сына Егора. Они и так часто ворочались с боку на бок от его бесконечного стука, шороха, а короче, от необходимой мастеровой возни и хоть с пониманием, но грустно вздыхали. Ничего здесь не поделаешь — комната, посреди которой стояла сталюга, была одна-одиношенька. Керосиновая лампа светила тускло, поэтому Иван опустил ее пониже, добавив к прежнему куску ржавой проволоки еще один длинный крючок.

Каждая табачная затяжка его немного расслабляла, хотя отдыхать было некогда. С вот этой самой 150-литровой бочкой ему предстоял трудный путь до городского базара по старой полевой дороге через снежные заносы, бугристые сугробы, по свирепому морозу.

Вскоре Ерофеев открыл дверь, сильным рывком взвалил на плечо перевязанную веревкой, свитой им самым же из пеньки, бочку и вышел на улицу. Сразу же за порогом бушевала непроглядная вьюга. Бондарю казалось, что тысяча чертей веселилась и выводила такие рулады, от которых на душе становилось неспокойно и мрачно. Она злобно бросала в лицо и за шиворот целые охапки колючего шершавого снега, задувала в бочку, гудела за спиной. И от всего этого под напором непогоды пожилой мужчина слегка пошатывался, но продолжал медленно идти.

Сначала он держался огородных сучковатых изгородей, чтобы не сбиться с пути. Преодолевал небольшое поле и наткнулся на стенку длинного строения, внутри которого сквозь сон похрюкивали колхозные поросята.

— Вот и свиарник, — прошептал путник, — теперь начинается длиннущее, километров на шесть поле.

Последнее время Ерофеев стал замечать, что разговаривает сам с собой, особенно когда ему тяжело и душе требуется

собеседник. Даже от нескольких сказанных самому себе фраз он всегда чувствовал небольшое облегчение.

Возле последнего сарая он присел на бочку, с большим трудом разжег заранее приготовленную самокрутку. Махорочный дым мгновенно смешивался со снежными вихрями и уносился в темень.

Дальше двигался почти по сплошной целине, каким-то особым чутьем нащупывая забытую полевую дорогу. Ее выдавали кое-где видневшиеся колеи от конных саней, редко скрипящих здесь полозьями.

Белые метры давались бондарю с огромным трудом. Выручала его напористость и уверенность в собственных силах.

— А разве на фронте было легче? — вслух произнес он. — А после войны...

Мастер задумался и несколько сот метров преодолел как бы незаметно для себя. Хотя непогода по-прежнему буйствовала. Новая порция самосадного дыма немного успокоила. Потеплело на душе.

Бондарь уже собирался поднять бочку на плечо, как услышал какой-то странный звук. Это был вой, но вроде бы не похожий на вой выюги. От него мужчине стало как-то не по себе, даже похолодело внутри. Как ни старался он в темноте разглядеть коварного зверя — поле было пустынным.

— Будь что будет, — вполголоса сказал Ерофеев и, поднатужившись и уложив на плечо деревянную поклажу, медленно двинулся вперед.

Свинарник, возле которого сторожа иногда замечали волков, остался далеко позади. Посмотрев назад, бондарь вдруг увидел две пары еле заметных в ночи огоньков. В эту минуту путник с сожалением вспомнил, что у него ничего нет увесистого для защиты от серых хищников.

В голове в одно мгновение промелькнула вся его жизнь. Тяжелое трудовое детство, скудные подработки на Дальнем Востоке в качестве связиста, семейные многодетные заботы, война, голодовки, сталинский режим. И пожил, кажется, порядком, только совсем не хочется так глупо помирать в чистом поле от волчьих зубов. Пули на войне и те щадили рядового Ерофеева.

Весь напрягшись, Иван до боли в глазах всматривался в ледяную темноту. Вот огоньки стали приближаться, но затем промелькнули справа. И вой постепенно стал отдаляться. С облегчением вздохнув, бондарь поковылял дальше. Даже бочка вроде бы полегчала. Однако он почувствовал под ногами выше колена глубокий мягкий снег. Значит, дорога исчезла. Остановился, поразмышлял и пошел наугад.

Минут через тридцать увидел далекий мерцающий огонек. Он звал мастера к себе и заронил в душу желанную надежду.

— Может, померещилось? — неуверенно произнёс он, потому что за спиной уже осталось несколько сот метров, а огонек, как ему казалось, не приближался.

Но опасения были напрасными. Вскоре ему навстречу шагнул темный силуэт избы, ноздри приятно щекотнул печной дымок. Ерофеев, немного помедлив, постучал в окно с цветастой занавеской. За стеной сначала молчали, а затем по ситцу скользнула тень в платочке и послышался женский голос:

— Кого там носит в такое бескетье?

— Мне бы обогреться, — ответил Ерофеев и удивился тому, как слабо прозвучал его голос.

— А кто вы и откуда? — тревожные нотки не покидали хозяйку.

— Ерофеев из Чернацкого, иду в город и заблудился.

За стеной затихло, и опять заревел ветер и зашуршал снег по белой известке стен и по мерзлой коре деревьев. В сенях послышались медленные шаги, проскрипела задвижка.

— Входи, да поживей, а то снегу в сенцы наметет.

Хозяйка, полноватая, с грустными зелеными широко поставленными глазами, ему показала как будто бы знакомой. Бондарь присел на самодельную табуретку с вырезанным по центру отверстием для руки и осмотрелся. Изба как изба: со старым давно лакированным шифоньером, аккуратно побеленной печкой с ухватами рядом в углу, деревянной кроватью. Над скамьей висел большой портрет, на котором сидела невеста в фате и усатый парень в черном пиджаке, на лацкане которого красовался белый цветок. Такие портреты можно увидеть в каждой избе довоенной или послевоенной постройки.

Ерофеев поднялся и шагнул к портрету, чтобы лучше рассмотреть молодоженов.

— Так это ж Фанас Пивоваров! — изумленно вполголоса произнес нежданный гость. — Мы же с ним уходили по повестке на войну.

— Да, это он, а рядом я, — печально за спиной произнесла хозяйка. — Так вы вместе воевали?

— Воевать вместе не пришлось. До Харькова добирались в одной теплушке, а там новобранцев распределили, и мы попали в разные воинские части. Меня направили в связисты, а Фанаса — в артиллерию.

— Он пропал без вести, — услышал Ерофеев за спиной скупые, тяжелые для восприятия слова.

Слёз на глазах Василисы, так звали хозяйку, не было. Видно, их давно иссушило время. Чувствовалось, что оно было

для женщины страдальческим, тягучим, как смола. Но глядя на ее морщины, казалось, что слёзы навек остались в этих горестных бороздках кожи под глазами.

— А девочки выросли? — спросил Иван, вспомнив рассказ Фанаса о семье, когда ехали вместе в гулком вагоне.

— Выросли, — Василиса как будто оживилась при упоминании о детях. — Анютка стала медсестрой, сейчас работает в областном центре. Верка выучилась на учителя, имеет награды и всю жизнь работает в школе. По внуку мне подарили.

Некоторое время она молчала, как будто вслушивалась в завывание вьюги. Затем с задумчивым видом добавила:

— Так что жизнь продолжается...

Слица Василисы будто бы на мгновенье сошла туча, которая всё время делала его мрачноватым. Оно слегка засветилось.

Иван еще раз кинул взгляд на игрушечные танки и самолетики, которые стояли на столике под старинной иконой с лампадкой. Это, скорее всего, навещают бабушку-вдову ребяташки на школьных каникулах.

— Выходит, ты, Иван, последним видел моего мужа живым, — то ли с вопросом, то ли с утверждением произнесла Василиса.

— Наверное. Когда ехали на войну, мы с Фанасом, конечно, думали, что погибнем, а вслух старались говорить о хорошем, о доме, о семьях, о яблоках, которые в том году уродили, как никогда.

— Действительно, яблок была уйма. — Ветки не выдерживали. А яблочные года всегда приносят счастье. Так в народе толкуют.

Оставив на столе пустую алюминиевую кружку, хранящую тепло парного молока и еще что-то грустное, душевное, Ерофеев шагнул в уже светлеющую утреннюю снежную круговерть. Теперь он чувствовал под ногами крепкую дорогу и, пока не попал в базарную толчею со своим бондарским товаром, думал о Василисе и Афанасии, о внезапных поворотах горестной судьбы, от которой никому никуда не уйти.

Эх, яблочные года...

ШАГИ ЖИЗНИ

С утра стояла мягкая снежная погода с легким морозцем, а к обеду стало резко холодать.

— Оденься потеплее, — скорее приказала, чем попросила Зоя Андреевна, женщина лет шестидесяти, медлительная, с хронической усталостью в зеленых глазах, своей сестре Нине, — там холодина.

Нина, на лице которой, несмотря на болезнь, еще сохранились остатки прежней привлекательности, стала надевать темно-синюю куртку и левой рукой никак не могла попасть в рукав.

— Ты бы хоть что-нибудь сама сделала, — проворчала сестра, помогла беспомощной женщине справиться с этим неложным делом, открыла защелку входной двери.

Нина боком протиснулась в дверной проем, шумно шаркая и загребая левой ногой. Здоровому человеку нужно менее минуты, чтобы спуститься вниз со второго этажа. А ей понадобилось целых десять. За это время мимо нее успели пройти вверх-вниз жильцы двадцатого дома: Иван Тихонович, обдавая дымком дешевой сигареты, бабушка Галина Николаевна с капроновым ведром картошки, офицер-пограничник с женой и с полугодовалым ребенком.

Она чувствовала себя помехой, виновато смотрела в глаза соседей и старалась уступить им дорогу, беспомощно придвигаясь к стене. Только поврежденная параличом нога плохо слушалась. Нина пыталась извиниться за свою неуклюжесть, но ее слова были произнесены невнятно. Лучше всего у нее получается «Здра-асте!», при этом ее перекошенный рот изображает что-то наподобие улыбки.

Ей очень хочется быть такой же, как все, легко разговаривать с людьми, делиться с ними своими впечатлениями, звонко смеяться, а самое главное — свободно ходить по земле. Эх, вернуть бы ей два десятка лет назад! Тогда Нина жила в большом городе, работала на заводе инженером, муж — мастером. Профком им выделил двухкомнатную квартиру. Только жизнь как-то не заладилась.

В молодые годы она любила спокойные вечера, кухню, чуть пропахшую яблочным пирогом, домашними пельменями. С радостным замиранием сердца ожидала с работы Андрея. Мечтала родить ребенка, чтобы наполнить свою жизнь и жизнь супруга каким-то особенным смыслом. Однако годы шли, а детей всё не было. Костер семейного счастья быстро угасал, и Нина теперь уже стала бояться вечеров. Андрей спивался, потерял работу.

Нина обычно отмалчивалась, но разве бывает терпение бесконечным?

Однажды, едва тот, пошатываясь, переступил порог, глянула на него с укором и сказала:

— В конце-то концов, ты прекратишь пить или нет? Посмотри, на кого ты стал похож!

— Хочу пью, хочу не пью! Ты мне это... не указ, — медленно, но со злостью произнес муж и шагнул к ней.

— Не указ! — с пренебрежением повторила его слова Нина. — Ты даже мое обручальное кольцо пропил, алкаш!..

В хмельных глазах Андрея сверкнули недобрые огоньки.

— Да пошла ты! — проскрипел зубами он и сильно толкнул Нину в грудь.

Женщина, пролетев пару метров, ударилась головой об угол тумбочки и потеряла сознание. Оно вернулось к ней только через несколько дней пребывания в областной больнице. В этот момент рядом с ней находилась сестра Зоя, целую неделю присматривавшая за ней. Дальнейшая ее судьба — это мучительная борьба за жизнь. Понадобились месяцы упорных тренировок, чтобы сделать первый шаг. Вот и пришлось Зое увезти сестру в свой городок, взвалить на себя тяжеленную ношу.

На улицу Нина выходит каждый день и почему-то всем во дворе является помехой. К примеру, присядут на скамейку две соседки потолковать о том, о сём. Нина примостится рядом и пыгается вставить в разговор свое слово, но оно, непонятое для окружающих, словно камень шлепается в песок. Соседки начинают ругаться за то, что из-за ее бормотания не могут нормально поговорить. А еще опасаются, что Нина подслушает их секреты, а затем кому-нибудь разболтает. Хотя как она может это сделать в ее то положении?

Выслушивая грубость, она не обижается или делает вид, что несдержанность людей вовсе не ранит ей душу. Летом на земле, зимой на снегу издали заметны большие круги, с черепашьей скоростью протоптанные Ниной во время прогулок. По ним можно определить, что всякое передвижение больной женщине дается ох как нелегко! И, наверное, каждый шаг Нины — это шаг к жизни. Сколько еще их впереди? Это в большей степени зависит от нее самой.

Когда проходишь мимо и здороваешься с нею, женщина очень часто интересуется временем. Зачем ей оно? Оказывается, точное время необходимо для того, чтобы заблаговременно начать подъем на второй этаж и не опоздать на интересный телевизионный сериал. Смотрит на экран, не отрываясь, часто на щеках блестят слезы. В эти минуты, наверное, чужие невзгоды попеременно со своими горьким комом подступают ей к горлу. Кому-кому, а ей есть что вспомнить.

В метельные и в морозные дни Нине тяжело выходить на прогулки и поэтому она днями сидит у окна, наблюдает за прохожими. Скорее всего, все они кажутся ей счастливыми, потому что свободно шагают, спешат на работу, в магазины, в гости. Она мысленно представляет себя в этой шумной толпе, молодой, здоровой. В один из таких дней я помахал ей с улицы рукой. Нина, поливавшая цветы на подоконнике,

улыбнулась светло и чисто, как бы стесняясь внезапной радости оттого, что ее заметили и пожелали добра. Мне показалось, что такая улыбка на время растопила ее никогда не проходящую горечь.

А однажды летним днем я услышал негромкое пение. Ветерок доносил до меня чистый нежный голос. В нем чувствовались какая-то тайна несбывшейся женской мечты и грусть по ушедшим дням. Из-за куста было невозможно рассмотреть исполнительницу песни. Я подошел ближе и очень удивился: на скамейке сидела и пела Нина!

ГОРЬКОЕ СЧАСТЬЕ

Тот горестный мартовский день до сих пор помнят не только жители Михеевки, но и всей округи. Шутка ли, Иван Веретенников вместе со своим гусеничным трактором Т-74 ушел под лед среди бела дня и как раз на середине реки. Только огромная полынья заколыхалась, да радужные круги засверкали на воде.

Продавщица сельмага Верка Калюжная, тощая, как тростинка и на удивление быстрая молодка, как раз возвращалась с обеда и когда увидела всё это, глазам не поверила: такая железная машина вдруг в считанные минуты исчезла без следа. Именно Верка с большим трудом удержала Дарью, жену Веретенникова, когда та, прибежав с фермы, охваченная паникой, рвалась к зловещей полынье.

— Ванечка! Ванечка! — охрипшим голосом кричала супруга.

Она повторяла и повторяла это слово, в котором было сосредоточено ее женское счастье, много раз. Молодая женщина со сцепленными на груди пальцами рук будто бы надеялась, что Иван услышит ее зов и его крупная голова появится над водой.

Еще утром вместе с Иваном, крепко сбитым, со шрамом вполщеки от внезапно порвавшегося троса и опасно хлестнувшего механизатора по левой скуле, зеленоглазым и чернобровым, Дарья вышла из высоких ворот дома. По пути занесла спящего Антошку матери, которая жила недалеко от молодых. Бабушка, бывшая колхозная бухгалтерша, уже не работала, хоть у нее было завидное здоровье. Ей днями, не разгибаясь, нравилось возиться в огороде, но еще больше — с двухлетним внуком, на редкость быстро познающим жизнь. Мальчик уже узнавал и называл несколько букв, считал до десяти и ненасытно задавал сотни «почему?»

Эх, знала бы, что, проводив мужа взглядом и привычно сказав: «До вечера!», она больше никогда не увидит его живым. Одна дорожка разошлась на две тропочки. Дарья по

своей стежке направилась на ферму, а Иван по своей — на полевой стан.

Дело в том, что заливные колхозные луга находятся на другом берегу реки. В жаркую летнюю пору почти всё взрослое население Михеевки на лодках переправлялось туда на косовицу созревших, отяжелевших от рос трав. Высушенное сено старательно укладывали в стога, сверху водружали связанные между собой суковатые палки шалашиком, чтобы сильные ветра не разворотили эти нехитрые сооружения.

Зимой михеевцы всем селом мостили на реке «дорогу жизни» (так в шутку местные балагуры нарекли настил, искусственно возводимый мужиками изо льда).

Та зима была на редкость морозной. Переправа через реку выдержала десятки рейсов тяжелых тракторов с прицепами. Почти всё сено, хранящее духмяный запах прошлогоднего заречного лета, лежало возле коровников. Осталось лишь два стога, перевезти которые через реку не давали затяжные метели. Заведующий фермой Кружилин надеялся на то, что сена хватит до самого мая, но в середине марта спохватился, что корм на исходе. То ли его расчет оказался неточным, то ли доярки были чересчур щедрыми, однако что-то нужно было предпринимать.

После оттепели наст слегка пожелтел. Даже приезжие рыбаки с опаской пробивали ледяной речной панцирь и поговаривали о том, что он от быстрого течения изрядно истончился. Если не поспешить, то так необходимое сено останется до следующей зимы. Иван Веретенников знал об этом лучше других — Дарья каждый вечер разговор заводила:

— Жалко смотреть на буренок, так отошали. Сенца бы в кормушки добавить.

Иван прицепил к трактору деревянные сани и отправился за реку. В грохоте двигателя он не услышал, как под гусеницами затрещал лед...

Анатолий, тридцатилетнего возраста, высокий с бледноватым длинным лицом, живыми блестящими глазами и небольшими зальсинами, приехавший на похороны брата, очень тосковал по нему. Вспомнил, как мама чуть своей жизнью не поплатилась, когда Ивана рожала. Пришлось вызывать врачей из области. Но ничего, всё обошлось. Через три недели она встала на ноги. Как старшему в семье, Анатолию было скорее приказано, чем поручено, присматривать за братом. Крупный по телосложению Ваня отнимал много времени, но пятилетний Анатолий понимал, что кроме него мальшом заниматься некому. Отец, участник войны, — весь день на подсочке леса, мать — то с вилами, то с граблями в поле. Оба выросли крепкими, даже пацаны постарше боялись обидеть братьев Веретенниковых.

Судьбы их, естественно, сложились по-разному. Анатолий, с инженерским дипломом, выбрал завод, Иван в новеньком солдатском кителе с погонами танкиста принял гусеничный трактор в соседнем селе. Там в клубе встретил Дарью, симпатичную девчонку — темные, немного грустные глаза с поволокой, густые волнистые волосы, легкая плавная походка. Как тут не влюбиться! Ухажеров у нее было, как семечек в подсолнухе. Не обошлось без разборок и синяков от местных ребят. Но Иван не отступал, да и Дарья отдала предпочтение именно ему, бывшему танкисту.

— Да, брат! С невестой тебе повезло!

По-доброму позавидовал младшему брату Анатолий, когда впервые он увидел ее на их свадьбе. Уезжая домой, он увозил в своей душе непонятное чувство. Поначалу оно отвлекало его, начальника цеха стальзавода, от круговорота дел. Кто знает, может, он и не женился за эти годы по той причине, что искал женщину, похожую на Дарью. В гости к брату ездил редко. Последний раз навестил Ивана, когда у него родился Антошка...

В ночь после похорон Анатолий остался в осиротевшем доме брата, ведь в этом селе у него больше не было знакомых. Да и невестку необходимо поддержать в такую минуту. Он не мог смотреть в ее темные глаза — столько в них тогда таилось польной печали и безнадежности.

— Ты когда домой? — поинтересовалась мать Дарьи Клавдия Степановна, когда он вышел из душевной комнаты на свежий воздух.

— Денька через два.

— А что так? — настоящая тревога застыла в ее глазах.

— Да цех второпях бросил, а тут конец месяца.

— Я хочу тебя, Толя, попросить, — грудной голос Клавдии Степановны стал тише, — немного по дому Даше помоги, земля пересохла, сеять пора.

— Да я бы помог, но... — как-то осёкся Анатолий.

— Вот и помоги, ведь ты для моей дочери не чужой, — сказала женщина приятной наружности, в очках, через которые просматривались тоненькие морщинки возле пытливых больших глаз, словно подспудно догадываясь о его симпатиях к Дарье.

В доме брата Анатолий пробыл восемь дней. Даже не прореагировал на две строгие телеграммы начальства. За это время Анатолий вспахал на колхозной лошади огород, разбил на нем грядки, в курятнике новую дверь навесил, купил и установил насос в колодце под окном, чтобы хозяйка не доставала воду ведерком.

Дарья горевала. И всё же Анатолий заметил, как в глубине ее глаз появился слабенький интерес к жизни. Душевному

возрождению помогал Антошка, часто подбегавший к ней и ласково обнимавший за колени. Он, словно взрослый, понимал, как тяжело было матери.

К вечеру у Анатолия ныла спина, тяжелели руки, но он отгонял усталость и вместе с Антошкой раскрашивал картинки, стрелял по мишеням из игрушечного автомата. Мальчик иногда интересовался, где его отец, и успокаивался ответом, что он уехал далеко и приедет нескоро. В минуты общения Анатолия с Антошкой, когда в окна заглядывала темнота, Дарья с грустной улыбкой смотрела на мужчин.

— Можно я еще приеду? — с мольбой в голосе перед самым отъездом спросил Анатолий.

— Приезжай, — со вздохом произнесла она. И этого слова было достаточно для того, чтобы в его душе поселилась надежда.

Всю дорогу он размышлял о случившемся в Михеевке. Анатолию казалось, что он что-то делает не так, что он не имеет права вмешиваться в жизнь Дарьи. Между ними, словно живой, стоял брат. При воспоминании о нём Анатолию становится неловко. Ну а если Дарья выйдет за кого-нибудь «чужого», как ее новый муж отнесется к Антошке? При этой мысли Анатолию стало не по себе, и он непроизвольно увеличил скорость своего серенького «жигулёнка».

На заводе Анатолий вновь наладил хорошие отношения с шефом, цех заработал стабильно. Однажды, задержавшись после планерки, он завел с шефом разговор о двухкомнатной квартире.

— А что? Неужели покончишь с холостяцкой жизнью?

Догадливый Афонин был удивлен.

— Есть надежда, Альберт Сергеевич, — улыбнулся Анатолий.

— Ладно, что-нибудь придумаем, — значительно и обещающе произнес директор.

Теперь Анатолий с особым волнением ожидал пятницу, спешил на автомашине в Михеевку, словно боялся опоздать. При встречах Клавдия Степановна загадочно улыбалась. Она ничего не говорила об отношениях Анатолия и Дарьи, но по всему чувствовалось: одобряла. Она наверняка знала о стародавней традиции на Руси: если в чьей-нибудь семье умирал или погибал муж, его место обязан занять его неженатый брат. Тогда всё как бы становилось на свои места.

Зато ее односельчане к частым приездам Анатолия в дом Веретенниковых относились по-разному: одни их откровенно осуждали, другие — многозначительно посмеивались, третьи радовались, что жизнь у Дарьи и ее сына налаживается.

Хотя, если разобраться, никаких особых отношений между вдовой и шурином не было. Они только едва намечались и

были сравнимы с первой каплей среди морозного марта. Антошка при виде Анатолия бежал к нему навстречу сломя голову. С большой охотой «управлял» автомашиной, сидя на коленях у дяди. В такие минуты на глаза Анатолия от избытка неведомых ранее чувств наворачивалась скупая мужская слеза. Какие-то невидимые тонкие нити связывали его с этим малышом.

Как-то раз в кабинете Анатолия зазвонил телефон.

— Пожалуйста, приезжай скорей, если можешь, — взволнованно умоляла Дарья Веретенникова. — Антошка сильно заболел, у него жар.

— Потерпите немного, я скоро...

Путь до Михеевки он преодолел минут на тридцать раньше обычного. Дарья уже ожидала его с сыном возле дома на скамейке. И опять — дорога, несущаяся навстречу автомобилю. Анатолий внимательно всматривался в нее, чувствуя большую ответственность за ставших ему дорогими людей.

В палате мальчишка лежал вместе с матерью. Анатолий же беспокойно сновал между домом, заводом, больницей и продуктовыми магазинами. Когда его в окошке спросили: «Вы к кому?» — он немного растерялся, но желая поскорее сгладить напряженную паузу, ответил:

— К жене, Дарье Веретенниковой и к своему сыну.

И в это мгновение после всего пережитого в его сердце закипела необъяснимая радость. Он со счастливой улыбкой в одной руке нес пластиковый пакет с горячей картошкой, а в другой — скромный букет нежно-белых ромашек для Дарьи.

КЛИМ

Тихий мартовский вечер. Солнце только-только зашло за статные высоченные вербы в конце переулка, прозванного Макуховкой. Клим сидит на жердочке возле дома, широко и живо растягивает красные меха двухрядки. Его белобрысая голова, словно тяжелый подсолнух, наклоняется над гармошкой. Задумчивый, сосредоточенный, он прислушивается к переливистому перебору басов.

— Ты бы хоть людей постыдил! — укоряет его мать Анна. Ей почти семьдесят лет, но ее голос звучит молодо и звонко.

— А что я делаю не так? Сажу возле родного дома, играю на своей гармошке. Ну, употребил слегка. Так кто сейчас в деревне не пьет?

— Другие выпьют и ложатся спать, а не смешат соседей, — не унимается Анна.

Глядя на руки Клина, никогда не скажешь, что он имеет прямое отношение к музыке. Короткие пальцы огрубели и

потрескались от тяжелой работы. Но какую бы мелодию не исполнял гармонист, они никогда не ошибаются, а быстро перебегают с одних кнопочек на другие или на мгновение замирают, или возвращаются обратно.

С музыкальным слухом Климу повезло. Подростком он подсаживался на бревно к Егорке Шубе, самому заядлому в селе гармонисту. Еще никому не удавалось переиграть этого коренастого, отчаянного с изогнутыми дугой рыжими бровями парня. Казалось, огнем горела тульская двухрядка, когда он прикасался к ней. Егорка на ходу сочинял частушки и часто вставлял в них такие крутые словечки, что одни бабы прыскали со смеху и выходили на круг, другие ругали сочинителя и спешили увести от него подальше детей. Часто он сам не выдерживал и бросался в пляс вместе со своей хромкой.

Живая Егоркина натура завораживала и притягивала Клима к себе. Он перехватил у сельского виртуоза манеру исполнения и множество мелодий и частушек. А иногда, изрядно подвыпив, они между собой устраивали нечто, похожее на турнир. Гармонисты изо всех сил старались переиграть друг друга. Но победить учителя Климу никогда не удавалось.

В его метриках было записано: Николай. А кто-то в шутку назвал мальчишку Климом, и это имя приросло к нему, словно репей к штанам. Он и его брат Славка росли без отца в тесной рубленой избе, топившейся по-черному, без пола. В послевоенное время тесных жалких изб в деревне было порядочно, но таких можно было пересчитать по пальцам.

Матери Клима, санитарке местной больницы Аньке, помощи было ждать неоткуда: она одна без мужа поднимала двоих детей на свою мизерную зарплату. С Федосом они прожили всего пять лет и расстались совсем неожиданно, без ссор и огорчений. Он уехал куда-то в Сибирь на заработки и ни одного письма не написал. В деревне больше ни разу не появился. Как в воду канул — говорят в таких случаях.

Сыновья отца совсем не помнили, поначалу приставали к матери с расспросами, но Анна ничего вразумительного сказать не могла. Дети смирились со своим незавидным положением и стали рано прирабатывать.

Бригадный дом и конюшня были в двухстах метрах от огорода Анны. Единственным препятствием на пути являлась низина, которая весной и во время дождей, заливалась водой. Клим чуть свет бежал на бригаду, выбирал получше воз и откатывал его в сторону, затем деловито брал ведро с дегтем и, выгачив загнуздку и выдвинув колесо, не спеша квачом смазывал железную ось. То же самое проделывал с другими колесами. Через полчаса появлялась бригадирка Аक्सинья и раздавала наряды взрослым

и подросткам. А конюх дед Панько, живущий с Климом по соседству, давал ему уздечку самого лучшего коня по кличке Буян.

В поле ребягня возила копны сена и соломы. От жаркого июльского солнца выгорали их ресницы, немудреные прически и делались одного цвета рыжевато-белесого. Плата за такой тяжелый труд была невысокой — рубля полтора. Но для Клима и эта сумма была в радость, потому что приближала его к заветной мечте — покупке гармони. Не лишними оказались также деньги, заработанные Климом на строительстве Егоркиного дома. Парень быстро научился выкладывать из кирпича стены и даже углы новостройки.

— Слышь, Коля, сегодня в наш магазин гармони привезли, — обрадовала сына Анна, возвратившись из центра деревни с авоськой, наполненной рыжеватыми кирпичиками ржаного хлеба. — Ты бы сходил.

— Ну, так я побежал! — на ходу пересчитав накопленные за несколько месяцев деньги, заторопился Клим.

На купленной двухрядке он играл долго, до третьих петухов. На траве от каблучков парней и девчат остался вытоптаный островок. Наверное, ни разу в жизни Клим не был так счастлив, как в этот вечер.

— Плюйте, девки, в потолок, я гармошку приволок! — весело припевал он.

По характеру Клим нетерпеливый. Если сразу у него что-то не получается, бросает и больше никогда не будет этого делать. Если гармошка далась подростку сразу, то с учебой в школе у него не клеилось. Бывало, прозвонит звонок на урок, дети по классным комнатам успокаиваются, слушая своего учителя. И вдруг через пять минут дверь одного из классов резко распаивается — и после подзатыльника рассердившегося педагога Клим оказывался в тесном коридоре.

— А на тому боци, де живе Маричка... — громко разносилось по школе слова его любимой украинской песни.

Не помогли ни строжайшие записи в дневнике учителей-предметников, ни частые вызовы матери в школу, ни педсоветы, ни последние предупреждения директора. До окончания восьмого класса Клим был на редкость необуздан, словно весенний разлив реки.

Была у Клима еще одна страсть — кони. Случалось, вместо школы он отправлялся на конюшню, бросал свои потрепаные тетрадки на скамейку и вместе с дедом Паньком ухаживал за лошадьми, водил их в ночное. Особенно ему нравилось объезжать молодых коней по первому снегу. Запрягали рысака целым скопом, а затем в санях оставались самые отчаянные пацаны. Ухватившись покрепче за вожжи, Клим весело гикал, снег из-под копыт летел прямо ему в лицо.

Тоску по родным местам по-настоящему Клим почувствовал трижды. Первый раз, когда служил в армии. Второй и третий, когда лечился в ЛТП. Последний раз вернулся домой с женой и тремя ее детьми.

— Ну, зачем тебе эти дети? — докучала ему мать. — Из-за водки своих бросил, а чужих на шею себе и мне повесил.

— Зато жена-корейка смазливая, — отвечал Клим.

Развязка в этой истории наступила быстро. Вскоре жена нашла себе другого, затем третьего, четвертого и вместе со своим выводком уехала из села к пятому.

Да на нее у Клима особой надежды и не было: повстречались-то они в ЛТП, то есть в лётно-техническом полку, как он в шутку называет его сам. А там народ аховый. Несколько раз приходила к нему корейка из другого села, хотела сойтись опять. Клим выпрашивал у нее червонец, но на дальнейшей семейной жизни ставил крест.

Оставалась верной Климу одна гармошка.

— Это мне теща подарила, когда я лечился, — говорит он знакомым.

Вот так, по-петушиному усевшись на жердочке, играет по вечерам Клим. Иногда, подвыпив в кочегарке, где он работает, не может влезть наверх, поэтому садится на нижнюю жердь.

В былые времена возле гармониста было бы многолюдно. А сейчас, когда на улице Куликовке молодежи днем с огнем не сыщешь, как-то диковато слышать гармошку. И всё же соседским бабам: Козичке, Проське, Косечихе, Аксиоте такая музыка нравится. Им, конечно, уже не до танцев, но проходя мимо Клима, остановятся, перекинутся с ним словечком, помянут старое, невозвратное.

— Я как услышу гармошку, корову бросаю доить, — с улыбкой признается продавщица Мария, — Ох и нравится мне такая музыка! «Как гармошечку почую, три дня дома не ночую...»

В праздники на Куликовке намного оживленнее. Собираются те, кто здесь родился. А вечером с сумками, набитыми мясом и салом, уезжают под веселое пиликанье двухрядки. И, может быть, немножко завидуют Климу. Ведь он остается дома. Проводит их, поиграет, повеселит свою душу и душу соседей и завалится спать на материнскую печку, довольный своею жизнью. Завтра ему рано вставать: в три часа он растапливает кочегарку в детском саду.

СЛОН

— Слон? Неужели это ты?

Сергей вздрогнул от неожиданности. Кто же его окликнул? Причем окликнул из далекого прошлого. Он осмотрел-

ся и заметил напротив себя мужчину в очках. Его одежда: куртка-бомпер, схватывающая плотную фигуру, и черная кепка с острым козырьком — говорила о том, что незнакомец не отстает от моды. Но кто же он?

— Не признал? — очкарик поднялся с кресла, изрядно затертого пассажирами, подошел к Сергею и присел рядом. — Неужели я так сильно изменился?

— Толян! Точно Толян! — изумленно воскликнул Сергей.

Он не верил своим глазам. Рядом с ним сидел друг детства. В этом и сомневаться не нужно. Сергей с сияющей улыбкой посмотрел ему в глаза серого цвета, которые быстро оживились, шевельнулись брови — и между ними обозначился шрам. Тот самый. За прошедшие три десятка лет он стал почти незаметным, ведь время его хорошо подшлифовало. И у Сергея при виде этой давней отметины что-то шевельнулось в груди, и уже, наверное, в тысячный раз там, внутри, слегка вспыхнуло чувство стыда.

— Да. Столкнулись мы с тобой, Слон, как говорится нос к носу! И где? В столичном аэропорту, — знакомым давнишним тембром зазвучал его голос. — Куда ты хоть летишь?

— В Брянск, — ответил Сергей. Он все еще не мог прийти в себя от внезапной встречи.

— А я — в Калининград, — не стал мучить догадками друга Толян и добавил — Там моя фирма, хоть и небольшая, но держит меня на плаву. — А ты чем занимаешься?

— Вот уже тридцать лет отработал директором в детдоме, — произнес Сергей.

— Да ты что? — удивленно посмотрел на него собеседник. — Неужели, Слон, тебе было мало тех суровых сиротских лет?..

Они стояли в центре зала ожидания. За огромным окном разыгралась настоящая февральская метель. Это из-за нее отменили все авиарейсы. Причем неизвестно, на какое время.

— Ладно, я отойду минут на пятнадцать, возьму водички.

Сергей, опустившись в кресло и глядя вслед уходящему другу, стал вспоминать...

Все беды Сергея начались вместе с его рождением на белый свет. По рассказам старшей сестры Лиды родильного дома в Клетнянском районе в шестидесятые годы не было, поэтому, когда пришло время рожать, его мать отвезли в соседний город за тридцать километров. Из-за мартовской распутицы дороги стали непроходимыми. Вот и отправили крестьянку Татьяну в соседний город на гусеничном тракторе. В неуютной, продуваемой сквозняками кабине она сильно перемерзла и заболела. Родить ребенка кое-как смогла, но у нее не хватило сил на то, чтобы победить внезапно сваливший ее недуг. Она,

бедняжка, только и успела увидеть родившегося сына, перекрестила его и попросила Бога, чтобы он его оберегал.

Серезу — так назвали младенца — нянчила сестра. Молока в доме не было, и она заворачивала в марлю ржаной хлеб, размачивала его в воде и этой злаковой смесью кормила брата. Не отходил от самодельной люльки отец Тимофей, всей душой тянулся к единственному в семье мальчику. Только тяжелая рана, полученная на фронте, не позволяла ему стать настоящей опорой детям. Дело в том, что в одном из боев в 1944 году осколок от снаряда снес ему почти половину черепа. В полевом госпитале хирург, делавший всё, чтобы он выжил, даже не надеялся на чудо. Но Тимофей оказался невероятно живучим, встал на ноги и, несмотря на запреты врачей, выполнял тяжёлую, повседневную для деревни работу. Травма головы постоянно давала о себе знать, и иногда внезапно он падал на землю и терял сознание.

Вот и оказался маленький Сереза в Доме малютки, сам еще не смысля, какие нелегкие испытания его ожидают. Вскоре не стало и отца. Когда круглый сирота немного подрос, начались его горькие путешествия по детским домам. Даже подумать страшно: их было целых восемь, похожих друг на друга, как близнецы-братья. Это был настоящий конвейер, суматошный, беспокойный, бестолковый, где менялись лица друзей по несчастью, воспитателей, директоров. Но из бесконечного временного потока Серезю больше всего запомнился именно Клетнянский детдом. Много раз он пытался установить причину этому, но ответа не находил.

Детство очень требовательно к мальчишкам и девочкам. Светлым его можно назвать тогда, когда ты идешь по жизни, чувствуя с одной стороны теплую нежную руку матери, с другой — крепкую мозолистую руку отца, когда в доме мир, покой и много игрушек. И отправляясь играть с друзьями в солнечное лето, малыш уверен в том, что он опять вернется под родную крышу, где его любят и ждут.

В Клетнянском детдоме тоже была крыша, большая, поросшая зеленым мхом от листьев и влаги, падающих сюда с огромных тополей. Крыша одна на две сотни попавших сюда волей судеб маленьких, рано взрослеющих жильцов. Были и добрые, и почему-то обозленные на жизнь люди, пытавшиеся им заменить законных родителей. А еще был негласный закон, давно установленный в детдомах. Исполнялся он и здесь под контролем смотрящего по фамилии Фомин.

Ему уже было больше восемнадцати лет, но он доучивался в выпускном классе, чтобы затем уйти на свои хлеба. Это был перезрелый детина высокого роста, с непокорной, редко

чесаной шевелюрой соломенного цвета, с голубыми, всегда смотревшими на мир нахально глазами.

— Ты знаешь что, малец? — небрежно обронил Фомин тринадцатилетнему Сереже, который день тому назад прибыл в детдом. — Вечером в восемь часов я жду тебя в комнате для отдыха. Усек?

— Да, только где эта комната? — переспросил встревоженный и растерянный от неожиданности мальчик.

— Найдешь, — небрежно процедил сквозь зубы детина.

Когда в назначенное время с бешено колотящимся сердцем Сережа открыл дверь, в комнате толпилось много обитателей детдома. Фомин сидел за столом у окошка.

— Ты, ты, ты и ты! — ткнул он пальцем в сторону подростков, — будете сегодня учить новичка!

«Шестерки» Фомина полотенцем завязали глаза Сереже и подтолкнули его на середину комнаты. По сигналу «Начинай!» подростки стали отвешивать ему тумаки. Каждый из них, чтобы оправдать доверие смотрящего, бил больно.

— Защищайся! — кто-то крикнул Сереже, и тот стал ловить выставленными вперед руками пацанов-невидимок, понастоящему наносящих ему удары. Вскоре поймал одного и ответил ему тем же.

Сережа слабаком никогда не был, сама сиротская жизнь научила стоять за себя. Руки у него были крепкие, цепкие, наверное, такие же, как у деда и отца. Не видя ничего, мальчик дубасил всех, кто ему попадался на пути и слышал вскрики этих пострадавших.

— Ты погляди, натуральный Слон! — удивлялся Фомин, глядя на стойкость Сергея, и на зрелище, которое он устроил ради своей потехи.

Впоследствии мальчишка почувствовал со стороны смотрящего даже какое-то шадящее отношение к себе. Наверное, потому что увидел в новичке уже явно не детскую стойкость и терпение. Он никогда не был стукачом, старался держать свое слово. Вот и тогда с разбитой кровоточащей губой и с синяком под глазом Сергей попал в медчасть к фельдшеру Любови Прокофьевне. Она пригласила ранку зеленкой и спросила:

— Кто это тебя разукрасил?

— Никто. Это я неудачно упал на ступеньке, — соврал мальчик, прекрасно зная, что ему не поздоровится, если расскажет о случившемся так, как было на самом деле.

Не сказал он правды и директору Виктору Павловичу, который по докладу фельдшера пригласил Сергея в свой кабинет. Даже если бы подросток признался, Фомину ничего бы не было, потому что даже директор побаивался этого приклатнённого, взявшего верх над всеми детдомовца.

Из всего персонала детского заведения Сергей выделял милостивую фельдшерицу, в первую очередь за ее безмерную доброту. В раннем детстве он не знал ни заботы, ни ласки, но когда рисовал в воображении образ матери, то представлял ее именно такой, как Любовь Прокофьевна.

Лето выдалось на редкость жарким. Солнце круглый день палило беспощадно, поэтому детдомовцы после обеда сбегали к реке, расположенной за пару километров. Горсточка легко одетых ребят облюбовала место для купания под высоким мостом. Поплескавшись в реке, они лежали в густой траве и, как всегда, мечтали о предстоящей взрослой жизни. Вдруг Петьке Валуеву пришла в голову мысль прыгнуть с моста в воду. Но пацаны к этому предложению никакого интереса не проявили.

— Ну что, струсили? — настаивал на своем он. — Кишка тонка, да?

— Ты сам не прыгнешь, — с усмешкой откликнулся Сережа. — Могу поспорить на килограмм конфет.

— А ну пошли, — назойливо выпалил Петька и стал взбираться на насыпь первым.

Он встал у края моста, посмотрел вниз и замер. До воды было метров семь, не меньше. Прошло несколько минут, а он не решался.

— Эх, ты, смельчак! — укоризненно взглянул на Петьку Сережа и, не размышляя, прыгнул вниз.

Через полминуты всплыл на поверхность и, скривившись, кое-как добрался до берега. Тут же подбежавшие к нему друзья заметили кровь на траве. Оказывается, в речке было много битого стекла и другого хлама, привезенного и брошенного сюда жителями окрестных сел. Сережа напоролся на острый осколок, распластав вдоль почти всю ступню. Пришлось ребяташкам нести на себе раненого до самого детдома.

— Ну вот, теперь придется тебе, герой, полежать у меня пару неделек, — полушутливо сказала Любовь Прокофьевна, закончив перевязку и намыливая руки.

Как ни странно, дни, проведенные на больничной койке, для подростка были самыми счастливыми в жизни. Он даже забывал о боли, когда рядом находилась фельдшер. Она как бы заменила сироте маму: заботливо ухаживала за ним, вкусно кормила, даже прикупала для него пряники и конфеты в магазине. Несколько раз приносила настоящее мороженое в стаканчике, чтобы больной легче переносил жару.

Особенно запомнились Сереже вечера. Любовь Прокофьевна обладала прекрасным голосом и пела ему на ночь песни. Репертуар певицы был довольно обширным, но основ-

ную часть в нем занимали военные произведения, с которыми она когда-то дошла до Берлина. Много повидавшая на своем веку женщина даже знала и исполняла Сереже знаменитую песню «Катюша» в различных вариациях, которые были на слуху у фронтовиков.

К раненому часто заглядывали товарищи, веселили его и торопили с выпиской. Они рассказывали, что пацанва с соседнего села совсем им жизни не дает. Как только встретят на улице детдомовца, побьют ни за что. Пора их проучить, чтобы не нагтели.

В первый же день после выздоровления к нему подошел Фомин:

— Сегодня у нас стрелка с сельскими. Не вздумай куда-нибудь улизнуть. Жди команды.

Сережа уже знал, что такое стрелка — это выяснение отношений с помощью кулаков и нехитрого «боевого» снаряжения. Поэтому тут же выломал из кровати железный прут и пошел к колхозному саду вместе с компанией детдомовцев.

— Вперед! — скомандовал Фомин, и ребята шумной лавиной двинулись во другую враждебно настроенную лавину.

Послышались возня, громкие вскрики, глухие удары. Сережа заметил, как на него бежит парень намного его старше, в очках. Чтобы опередить соперника, он ударил по его лицу припасенной железкой и с ужасом увидел брызги крови. Парень упал, застонал и схватился за лицо руками. В это момент Сережу обуял страх, и он, бросив прут, сначала хотел дать стрелочка, но что-то удерживало подростка. Он наклонился над незнакомцем. Ему стало жалко пострадавшего от его же рук молодого парнишку.

Оторвав полоску от своей рубашки, Сережа с сочувствием попытался приложить ее к раненой переносице. Кровь пропитывала ткань.

— Где ты живешь? — растерянно произнес Сережа.

— На Ольховке, — ответил парень.

— Пойдем, я помогу тебе дойти.

Они медленно побрели в сторону названной улицы. Сережа вел под руку Анатолия (так звали бывшего противника по драке) и с содроганием думал о том, как встретят его родители. Но, к счастью, все обошлось мирно и благополучно. Родители поначалу испугались, увидев сына с окровавленным лицом, затем наложили повязку и стали благодарить Сережу за то, что помог ему дойти до дома. Знали бы они, кто ударил железкой Толю!..

Но Анатолий не проронил ни слова. Его мама Антонина Петровна поставила на стол всё, что у нее было в печке. Однако Сергею кусок стал поперек горла от чувства собствен-

ной вины. Кое-как он съел блин со сметаной, запив его горячим чаем, и заторопился уходить.

— Куда же ты? Ты кушай, кушай! У вас там с хорошей едой всегда туговато, — заволновалась гостеприимная женщина.

Сергей направился к двери. Тогда Антонина Петровна положила с десяток блинов в пакет и чуть ли не насильно вручила ему:

— Угостишь своих друзей, их ведь у тебя много.

Тихонько положив блины на столик в сенях, подросток побежал в сторону детдома. Неожиданно для себя, он пришел к Толе на другой день и поинтересовался его здоровьем.

Как ни странно, Толя обрадовался его приходу. Такое необычное знакомство вскоре переросло в настоящую дружбу. Постепенно привязались к детдомовцу и Толины родители. И если он несколько дней подряд не приходил сюда, скучали по нему. Сергею по душе была эта простая дружная семья, в ней он находил то, чего ему в сиротской жизни ох как не хватало! Ему даже не хотелось на время покидать этот уют и умиротворение и возвращаться в детдом по вечерам.

Говорят, что всё когда-нибудь кончается. Через два года Анатолий поступил в кооперативный институт и уехал в город, а Сергея перевели в другой детдом.

— Не забывай, пиши, — сказал на прощанье Анатолий Кудрин.

— Береги себя, пожалуйста! — приказал Сергей и крепко обнял друга.

Поначалу часто приходили от товарища письма, в которых он рассказывал о своей новой жизни, и Сергей четко отвечал на них. Но затем весточек было все меньше и меньше, и настало время, когда они совсем прекратились. Видно, изменились их адреса, да и уже было, наверное, не до писем.

И вот, как будто по божьему велению, они встретились в зимнем аэропорту.

— Ты, наверное, меня заждался? — Толян держал в руках два стакана кофе, из кармана в пакетике торчали круассаны. — А мне позвонили по работе, пришлось долго разговаривать по телефону.

— Ничего, друг! Главное, что мы снова встретились, теперь, надеюсь, не потеряемся! — с улыбкой произнес Сергей, отхлебывая из стаканчика горячий напиток.

Метель утихла. Объявили рейс на Калининград.

г. Брянск